

ФИЛОСОФИЯ

УДК 331.1
ББК 65.02-215

В.С. Гриценко, В.В. Орлов

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РУКОПИСИ» К. МАРКСА: КОНЦЕПЦИЯ ВСЕОБЩЕГО ТРУДА

Рассматривается проблема всеобщего («научного», автоматизированного) труда, впервые получившая серьезную разработку в «Экономических рукописях» («Грундриссе») К. Маркса. Анализируя это произведение, авторы раскрывают экономические последствия появления нового типа труда, обосновывают его материальный характер.

Ключевые слова: *политэкономия К. Маркса, всеобщий труд, «Грундриссе», стоимость, наука, рабочее время.*

К. Маркс и Ф. Энгельс создали качественно новую политэкономия, которая, в определенном отношении, явилась логическим продолжением, углублением и развитием аналитического блока экономической теории А. Смита. Основное внимание Маркс сосредоточил на исследовании сущности труда, стоимости, системы производства и порожденных ею общественных отношений. Поэтому его экономическая теория связана в единое целое с социальной философией, материалистическим пониманием истории, выражением сущности человека.

Прежде всего Марксу необходимо было преодолеть недостатки и разрешить противоречия трудовой теории стоимости А. Смита и Д. Рикардо. Нужно было четко определить категории стоимости, потребительной стоимости, меновой стоимости, выяснить их субстанцию, раскрыть действительное содержание двойственности товара. Далее, по словам К. Тронева, «Маркс должен был не только свести формы прибыли (торговую прибыль, процент и ренту) к самой прибыли как таковой, а ее – к прибавочной стоимости, но и вторичные, производные формы капитала (торговый и ссудный капитал)

© Гриценко В.С., Орлов В.В., 2012

Гриценко Виктория Сергеевна – ассистент кафедры философии и права ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: gritsenkovs89@mail.ru.

Орлов Владимир Вячеславович – д-р филос. наук, проф., завкафедрой философии ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»; e-mail: vvorlov@psu.ru.

свести к основной его форме – промышленному капиталу... Маркс был вынужден завершить анализ и фиксирование различных сфер движения капитала, а также „освободить“ производительную форму промышленного капитала и ее плод – прибавочную стоимость – от более конкретных форм, накладываемых на них конкуренцией и процессом обращения в целом» [7, с. 64].

Серьезной ошибкой классиков политэкономии было чрезмерное абстрагирование, перенесение в теории специфически капиталистических форм категорий на все системы общественного производства. Как писал Маркс, «...недостатком и ошибкой классической политической экономии является то, что она основную форму капитала, производство, направленное на присвоение чужого труда, трактует не как историческую форму, а как естественную форму общественного производства...» [2, с. 526]. Смит и Рикардо, согласно Марксу, «встали в тупик перед купеческим капиталом», так как четко не различали три формы капитала – промышленный, торговый и ссудный. Рикардо не разделял прибавочную стоимость и прибыль. «...Где Рикардо правильно изучает законы прибавочной стоимости, он искажает их тем, что формулирует их непосредственно как законы прибыли» [2, с. 111]. Смит и Рикардо также не разделяли относительную и абсолютную прибавочную стоимость. «Перед Марксом стояла также задача, которую классическая политэкономия лишь поставила, но не сумела и в малейшей степени решить. Речь идет о применении генетического метода исследования, т.е. о выведении „из абстрактного“, из всеобщих законов ... их конкретных форм и модификаций» [7, с. 66]. Он не только «свел меновую стоимость к стоимости, а стоимость – к абстрактному труду, но и вывел из абстрактного труда стоимость, а из нее – меновую стоимость; не только свел деньги к товару (вслед за классиками буржуазной политической экономии), но и вывел из товара деньги; не только прошел (опять-таки вслед за классиками) путь сведения прибавочной стоимости к стоимости, но и вывел из стоимости (из товарно-денежных отношений) прибавочную стоимость и капитал» [7, с. 66]. Наконец, Марксом доказано, что непосредственным внутренним основанием товарного производства служит противоречие частного и общественного труда.

В политической экономии и социальной философии Маркса нас будет интересовать, прежде всего, проблема труда как субстанции стоимости. Серьезную разработку эта проблема получила в трех томах «Капитала», «Экономических рукописях» 1857–1859 и 1861–1863 годов («Грундриссе»).

Впервые рукописи были частично опубликованы в Советском Союзе в 1930-х годах, а затем вошли в состав второго издания «Сочинений» Маркса и Энгельса. Над рукописями интенсивно работали сотрудники ИМЭ Д.Б. Рязанов, Врум, сотрудник ИМЭЛ П.Л. Веллер, лауреат Нобелевской премии Л.А. Леонтьев, В.С. Выгодский, А.Г. Ахундов, И.А. Болдырев, К.П. Тронев и др. В 1983 году вышла коллективная монография сотрудников

ИМЛ «Первоначальный вариант „Капитала“ (см. [1]). Это породило интерес к «Грундриссе» во всем мире. М. Мусто указывает, что в настоящее время «Грундриссе» переведены на 22 языка в 32 вариантах перевода. Рукопись опубликована общим тиражом 500 тысяч экземпляров. Редактор английского издания Д. Маклеллан повысил интерес читателей к «Грундриссе» своими оценками, согласно которым «Грундриссе» – нечто „гораздо большее, нежели черновой набросок „Капитала“, ибо «содержат синтез различных направлений мыслей Маркса»; если «в известном смысле ни одна из работ Маркса не завершена полностью», то «наиболее полной из них являются „Грундриссе“ ... При этом в предисловии переводчика Мартина Николауса было сформулировано следующее: «Наряду с их большой библиографической и исторической ценностью они добавляют много нового материала и являются единственным планом всего политико-экономического проекта Маркса» [6, с. 21–22].

В первоначальном варианте «Капитала» более четко, чем в основном, раскрываются отношения производства, распределения, обмена и потребления. Не вдаваясь в анализ диалектики этих моментов, отметим, что Маркс последовательно обосновывает определяющую роль производства (в широком смысле): потребление есть, в конечном счете, производство индивидом самого себя, его самоусложнение; способ распределения, в конечном счете, обусловлен господствующим способом производства (лучше всего это видно на примере завоеваний, когда способ распределения побежденного народа навязывается ему народом-завоевателем); обмен зависит от производства в той мере, в какой он зависит от разделения труда.

В более ясном виде здесь разворачивается и проблема всеобщего («научного», автоматизированного) труда. Помимо категориального плана «всеобщее – особенное – единичное», здесь имеется в виду коллективный труд: «чтобы непосредственно быть *всеобщими деньгами*, труд отдельного лица должен был быть с самого начала не *особенным* трудом, а трудом *всеобщим*, т.е. должен был бы с самого начала фигурировать как звено *всеобщего производства*. Но при такой предпосылке не обмен впервые придавал бы труду характер всеобщности, а заранее данный коллективный характер труда определял бы участие работника в продуктах. Коллективный характер производства с самого начала делал бы продукт коллективным, всеобщим» [4, с. 115]. Чтобы достичь уровня производства, соответствующего совокупным потребностям общества, основанного на коллективном труде, необходимым становится планомерное распределение рабочего времени по отраслям производства. Обмен в этой ситуации представлял бы собой уже не обмен меновыми стоимостями, а обмен деятельностью. В условиях же обмена меновыми стоимостями при капитализме только обмен впервые полагает труд в качестве всеобщего труда.

Большое внимание в «Грундриссе» уделено исследованию времени обращения. Маркс показывает, что оно выступает границей для производительности труда, поскольку сумма созданных стоимостей прямо пропорциональна рабочему времени и обратно пропорциональна времени обращения. Поэтому капитал «...должен стремиться к тому, чтобы... завоевать всю Землю в качестве своего рынка, он, с другой стороны, стремится к тому, чтобы уничтожить пространство с помощью времени...» [4, с. 32]. Если бы скорость обращения была наивысшей (в современных условиях это прогнозы «бизнеса со скоростью оптоволоконной связи» – М. Кастельс, и даже «бизнеса со скоростью мысли» – Б. Гейтс), то капитализм дошел бы до своего логического предела, не позволяющего более развивать производительные силы, а значит, и увеличивать капитал. Наивысшее время обращения означает его превращение в нуль, а поскольку стоимость создается при помощи обращения (не может возникнуть не в обращении), такое положение дел превратило бы саму стоимость в бессмыслицу. Капитал, сокращая время обращения, приближает свой конец. Маркс выявил еще одну предпосылку конца капитала – это противоречие между превращением рабочего времени в единственный источник и меру богатства и стремлением капитала свести рабочее время к минимуму.

Это наглядно раскрывается в крупнейшем открытии Маркса – появлении новой исторической формы труда – *всеобщего труда*, выступающего в первоначальной форме как *автоматизированный труд*. Автоматическая фабрика, по Марксу, представляет собой «завершенный способ производства, соответствующий системе машин, и она является тем более завершенной... чем меньше выполнение отдельных процессов ... еще нуждается в опосредовании человеческим трудом» [3, с. 504]. Причем простая кооперация играет на автоматической фабрике гораздо более важную роль, чем разделение труда, поскольку ее основу составляет система машин. Система машин, в свою очередь, выступает как наиболее адекватная капитализму форма основного капитала, поскольку в обусловленных системой машин форме и отношениях производства продукт создается только как носитель стоимости, а его потребительная стоимость играет роль лишь условия этого. С другой стороны, поскольку в товаре все же закреплена его определенная потребительная стоимость, «он не соответствует понятию капитала, который как стоимость безразличен по отношению ко всякой определенной форме потребительной стоимости...» [5, с. 206]. Поскольку система машин развивается благодаря накоплению общественных знаний и производительной силы вообще, постольку капитал выступает как представитель всеобщего общественного труда. Процесс производства не является более всецело подчиненным мастерству рабочего, он представляет собой технологическое применение науки. С этих позиций развитие капитала придает производству научный характер,

а непосредственный труд низводит всего лишь до момента процесса производства. Оказывается, что капитал, с одной стороны, предполагает, определенные рамки развития производительных сил, а с другой стороны, форсирует их развитие и выводит за эти рамки. Поэтому «если капитал приобретает свою адекватную форму... только в системе машин... то это отнюдь не означает, что... эта система машин сама по себе является капиталом...» [5, с. 207].

Непосредственный труд исчезает количественно в качестве определяющего принципа производства, а «качественно он превращается в некоторый, хотя и необходимый, но второстепенный момент по отношению к всеобщему научному труду, по отношению к технологическому применению естествознания... Капитал, таким образом, работает над разложением самого себя как формы, господствующей над производством» [5, с. 208]. В этих условиях единичный труд как таковой вообще перестает быть производительным, а является таковым только в рамках совместного труда многих, подчиняющего себе силы природы. Автоматизированный труд «...представляет собой применение [знаний], экспериментальную науку, материально творческую, предметно воплощающуюся науку... процесс производства вместе с тем является физическим упражнением, поскольку труд требует практического приложения рук и свободного движения, как в земледелии» [5, с. 221].

Теперь уже непрерывность процесса производства становится внешним принудительным условием для капиталистического способа производства – благодаря развитию самого капитала, развитие производительных сил «вырывается» из его рук, «отказываясь» оставаться в рамках капитала.

«...По мере развития крупной промышленности создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь... не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству... Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик» [5, с. 213]. Рабочий помещает между собой и объектом труда уже не преобразованный природный предмет, а природный процесс, преобразованный им в промышленный процесс. Рабочий становится «рядом» с процессом производства.

«В этом превращении в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд, выполняемый самим человеком, и не время, в течение которого он работает, а присвоение его собственной всеобщей производительной силы, его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма, одним словом –

развитие общественного индивида» [5, с. 213–214]. Поэтому очевидно, что кража чужого рабочего времени, имеющая место при капиталистическом способе производства, является гораздо более жалкой основой в сравнении с новой, возникшей непосредственно как результат развития самого промышленного способа производства.

«Прибавочный труд рабочих масс перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как *не-труд немногих* перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости...» [5, с. 214]. Таким образом, Маркс формулирует важнейшую для современного общества идею *вырождения стоимостного отношения*. «...Полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда представляет собой последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости производства» [5, с. 212–213]. Маркс указывает, что предпосылкой такого переворота в экономической системе общества является наблюдающееся уже в его время вырождение непосредственной зависимости произведенного богатства от рабочего времени и количества затраченного труда как субстанции стоимости. Труд в его непосредственной форме перестает быть источником богатства, рабочее время – мерой богатства, а, следовательно, меновая стоимость – мерой потребительной стоимости. Вырождение стоимостного отношения приводит к существенным сдвигам в жизни общества – поскольку прибавочный труд возрастает настолько, что капитал оказывается не в силах его реализовать, рабочие массы должны сами присваивать себе свой прибавочный труд, а значит, их свободное время перестанет существовать в антагонистической для них форме.

Однако Маркс предупреждает, что капитал будет всячески сопротивляться саморазрушению, прежде всего, пытаясь приспособить к новому труду старые социальные рамки. «С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения, – для того, чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости» [5, с. 214].

Рассматривая Марксово открытие всеобщего труда, мы можем сделать вывод о материальном характере этой новой исторической формы труда. Не случайно Маркс говорит о нем как об *овеществленной* силе знания, *воплощенной* в производстве науке, противопоставляя его собственно знанию, науке как духовной сфере деятельности. «Развитие основного капитала является показателем того... до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» [5, с. 215]. Или в дру-

гом месте. «Если процесс производства становится *применением науки*, то наука, наоборот, становится фактором, так сказать, функцией процесса производства» [3, с. 553]. О материальности всеобщего труда свидетельствует и введение Марксом особой категории – *всеобщего интеллекта* – для обозначения характера надстройки будущего общества. «Развитие основного капитала является показателем того... до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним» [5, с. 215]. И, наконец, вся мощь философского основания Марксовой политико-экономической теории заставляет сделать этот последний шаг абстракции.

Список литературы

1. Васина Л. Марксовы «Грундриссе»: к истории изданий, распространения и изучения в нашей стране // Рос. экон. журн. – 2008. – № 12. – С. 25–37.
2. Маркс К. Теории прибавочной стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 26. – Ч. II. – 703 с.
3. Маркс К. Экономическая рукопись 1861–1863 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 47. – 659 с.
4. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 1. – 559 с.
5. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 46. – Ч. 2. – 618 с.
6. Мусто М. Распространение и изучение «Грундриссе» в мире // Российский экономический журнал. – 2008. – № 11. – С. 18–24.
7. Тронеv К. О предмете и содержании первого отдела I тома «Капитала» К. Маркса // Рос. экон. журн. – 2007. – № 9–10. – С. 62–97.

Получено 15.05.2012

V.V. Orlov, V.S. Gritsenko

K. MARX'S «GRUNDRISSE»: THE CONCEPT OF UNIVERSAL LABOUR

The paper is devoted to the problem of universal («scientific», automated) labour. This problem was firstly investigated by K. Marx in his «Grundrisse». While analyzing the work of Marx, the authors unfold the economic consequences of this new type of labour emergence and explain its material essence.

Keywords: K.Marx's political economy, universal labour, «Grundrisse», cost, science, working-time.